

допускать браковъ между дворовыми людьми. Говорилось прямо: разъ вышла дѣвка замужъ — она ужъ не слуга; ей впору дѣтей родить, а не господамъ служить. А иные къ этому цинично прибавляли: на нихъ, кобылъ, и жеребцовъ не напасешься. Съ дѣвками всегда спрашивалось больше, нежели съ замужней женщины; и лишняя талка пряжи, и лишній вершокъ кружева и т. д. Поэтому, былъ прямой расчетъ, чтобы дѣвичье цѣломудріе не нарушалось.

Процедура выставиванья была омерзительна до послѣдней степени. Устраивали засады, подстерегали по ночамъ, рылись въ грязномъ бѣльѣ и проч. И когда, наконецъ, улики были на лицо, начинался цѣлый адъ. Иногда, не дождавшись разрѣшенія отъ бремени, виновную (какъ тогда говорили: „съ кузовомъ“) выдавали за крестьянина дальней деревни, непременно за бѣднаго и притомъ вдовца съ большимъ семействомъ. Словомъ сказать, трагедіи самыя несомнѣнныя совершались на каждомъ шагу, и никто и не подозревалъ, что это трагедія, а говорили резонно, что съ „подлянками“ иначе поступать нельзя.

И мы, дѣти, были свидѣтелями этихъ трагедій, и глядѣли на нихъ не только безъ ужаса, но совершенно равнодушными глазами. Кажется, и мы не прочь были думать, что съ „подлянками“ иначе нельзя...

Были, впрочемъ, и либеральные помѣщики. Эти не выставивали дѣвичьихъ беременностей, но замужъ выходить все-таки не позволяли, такъ что, сколько бы ни было у „дѣвки“ дѣтей, ее продолжали считать „дѣвкою“, до смерти, а дѣти ея отдавались въ дальнія деревни, въ отдаленныя крестьянамъ. И все это хитро-сплетеніе допускалось ради лишней талки пряжи, ради лишняго вершка кружева.

Люди позднѣйшаго времени скажутъ мнѣ, что все это было и быльемъ поросло, и, что, стало быть, вспоминать объ этомъ не особенно полезно. Знаю я и самъ, что фабула этой были дѣйствительно поросла быльемъ; но почему же, однако, она и до сихъ поръ такъ ярко выступаетъ передъ глазами отъ времени до времени? Не потому ли, что, кромѣ фабулы, въ этомъ трагическомъ прошломъ было нѣчто еще, что далеко не поросло быльемъ, а продолжаетъ и до-днесъ тяготѣть надъ жизнію? Фабула исчезла, но въ характерахъ образовалась извѣстная складка, въ жизни проникли извѣстныя привычки... Спрашивается: исчезли ли, вмѣстѣ съ фабулою, эти привычки, эта складка?

Въ заключеніе, не могу не упомянуть здѣсь и еще объ одномъ существѣ, юмъ недостаткѣ, которымъ страдало наше нравствен-